

Алекс расхаживал по площадке перед заключенными, которых держали под охраной. До сих пор они слушались, за некоторыми исключениями, но это не было чем-то таким, с чем они не могли справиться. Большинство из них позволили загнать себя в кучу, хотя и не были этому рады. Некоторые пытались сопротивляться, но это им не помогло.

Один особенно крупный самец попытался бросить Алексу вызов, но быстрый удар в челюсть заставил его растянуться на земле. Затем он довел дело до конца, воткнув Иггдрасиль прямо перед его лицом, лезвием вперед. Мужчина затрясся, как осиновый лист, когда пылающий топор был в миллиметрах от того его носа. Он встал, и его направили туда, где содержались остальные члены его клана, без дальнейших жалоб.

Экипаж Персея услышал двигатели шаттла еще до того, как увидел его. Алекс жестом указал оставшимся людям клана Ал'канин, чтобы они взяли на себя охрану, что они были более чем счастливы сделать. Он неторопливо направился к площадке, которая была отведена в качестве посадочной площадки для Гермеса. Он увидел, что Корса, Натс и другие дамы тоже ждали.

Корабль пролетел над ними, прежде чем завис в воздухе, совершая мягкую и легкую посадку. Прожекторы ожили, вспыхнув с яркостью солнца на мгновение, прежде чем слегка потускнеть. Задний люк открылся и зашипел, медленно опустилась рампа. Внутри корабля было полно как людей, так и того, что выглядело как припасы и тому подобное.

— Что вы, ребята, сделали? Ограбили этих ублюдков, пока их не было дома? — спросил Алекс в микрофон своего костюма.

— На самом деле, это именно то, что мы сделали, и поделом этим придуркам! Пусть они умрут с голоду! — Заявила Таал'ани, выходя. Она вела под руку пару пожилых людей, которым было трудно ходить, поэтому она сделала все возможное, чтобы поддержать их. Несколько молодых членов клана вышли из собравшейся толпы, чтобы встретиться со старейшинами и поприветствовать их возвращение. Было ясно, что молодые мужчины и женщины, которые обнимали их, были членами семьи, поскольку последовало слегка слезливое воссоединение.

Несколько детей вышли, зовя своих родителей. Из толпы донеслись пронзительные крики, когда несколько взрослых бросились обнимать детей. Дети радостно закричали и побежали им навстречу. Слезы текли рекой, родители и дети смеялись и плакали одновременно. Все они были благодарны и не верили, что теперь снова обнимают своих близких.

Мама К и Натс сами не могли удержаться от слез, так как эта сцена произвела на них впечатление. Он также отметил, что Кас пролила несколько слез при виде воссоединения семей. Алекс почувствовал, что его щека тоже немного влажная. Даже его тронула эта сцена, хотя он многое пережил в своей жизни. Вздыхнув, он повернулся к заключенным, за которыми должен был наблюдать.

Алекс заметил, что небольшая группа заключенных пристально смотрела на некоторых детей и вытягивала шеи. Как будто они искали кого-то конкретного. Возвращаясь к транспорту, он увидел, что небольшая группа детей, лет пятнадцати или около того, выглядела несчастной. Некоторые из них, казалось, были на грани слез, наблюдая, как другие дети воссоединяются со своими родителями.

Алекс подошел к ним, и они все как один повернулись, чтобы посмотреть на него. Они в страхе отпрянули при его приближении, дрожа, когда он подошел ближе. Затем молодой капитан снял шлем, открыв детям свое лицо. Страх растаял почти мгновенно, когда он остановился перед ними и опустился на колени. Любопытство теперь сменило страх, одна девушка

протянула руку, чтобы коснуться его лица.

Он улыбнулся, почувствовав, как ее пальцы коснулись его щеки. Она коротко пробормотала ему что-то, прежде чем замолчать и покраснеть чуть более темным оттенком синего. Он посмотрел на нее, на его лице было написано недоумение, пока Люминия не подошла и не перевела ему.

— Она говорит, что у тебя доброе лицо, как у ее отца, — сказала Алексу женщина-Ал'канинка.

— Где сейчас ее отец?

Люми задала вопрос, и девушка отвернулась, как будто ей было стыдно или грустно. Она пробормотала что-то слишком тихо, чтобы кто-нибудь мог расслышать. Люминия повторила вопрос, и на этот раз ответ был достаточно громким, чтобы его можно было услышать. Хотя то, что она услышала, застало ее врасплох, и она повернулась к капитану Томишичу с болью во взгляде.

— Ее отец сражался с Яхк'шурт, и она даже не знает, жив ли он, — печально сказала Люми. Боль, отразившаяся на ее лице, была выражением сочувствия, как будто она знала, каково это - потерять отца.

— Скажи ей, что я думаю, что он все еще жив, и если она последует за мной, я отведу ее к нему. Если это разрешено? — спросил Алекс. Глаза Люми на мгновение вспыхнули, как будто она собиралась заплакать. Затем она кивнула, подошла к паре охранников и торопливо заговорила с ними. Она возбужденно жестикулировала и спорила с охранниками, пока они, наконец, не опустили головы и не издали утвердительные звуки.

Люми вернулась и рассказала девушке то, что сказал ей Алекс, заставив ее резко вздохнуть, как будто она не могла поверить в то, что слышала. Она выпрямилась и поспешно и выжидающе подошла к Алексу. Он протянул руку, и девушка взяла ее, когда он встал. Остальные дети собрались вокруг него, и все они надеялись на то же, что и девочка.

— Как ее зовут? — спросил он Люминию.

— Тахрина. Ее зовут Тахрина.

— Тахрина, — сказал Алекс, акцентируя звук "Р". Она посмотрела на него, когда он повел их прочь от транспорта и вокруг группы заключенных. Охранники смотрели на детей безразлично, как и многие заключенные. Та же самая небольшая группа из них, может быть, человек сорок или больше, смотрела на детей с чувством надежды на лицах.

Когда они приблизились, дети заметили, что заключенные смотрят на них, и почти выбежали к ним. Алекс поднял руку, и Люми, шедшая рядом с ними, крикнула им, чтобы они подождали, пока они не подойдут ближе. Они повиновались, но было ясно, что они были рады видеть этих людей, которые, как догадался Алекс, были их родителями.

— Ахва?! — сказала Тахрина на своем языке. Она смотрела на мужчину, который стоял на коленях рядом с одним из ближайших охранников. Рина посмотрела на Алекса, и он кивнул, давая ей добро. Она бросилась к отцу, но ее остановил охранник, стоявший над ним. Он держал девочку на расстоянии вытянутой руки, держа ее подальше от отца.

— Эй! — Алекс зарычал, схватив охранника за плечо. Его голова резко поднялась, и он посмотрел прямо в глаза Алексу, ожидая увидеть слабость. Вместо этого он увидел человека,

который не допустил бы того дерьма. Крупный хорват покачал головой и вперил в охранника взгляд, который пробил бы сталь насквозь. Охранник неохотно пропустил Тахрину, не желая злить носителя Иггдрасиля.

Другие дети медленно просачивались внутрь, каждый находил своего родителя или родителей. Все они потратили несколько минут, чтобы поговорить со своими детьми, пытаясь утешить или успокоить их. Через несколько минут Люминия позвала детей вернуться, и они так и сделали, но было очевидно, что они хотели остаться со своими родителями.

Когда Люми собрала детей, Алекс посмотрел на заключенных и увидел у них только благодарность. Хотя они могли быть обречены на смерть, он утешил их в последние минуты. Алекс склонил голову в сторону своих бывших противников и вложил правый кулак в левую ладонь в знак уважения. Затем он ушел, чтобы присоединиться к своей команде, которая стояла рядом с Люминией и детьми.

— Что с ними будет? — поинтересовался Алекс, подходя к группе и вставая рядом с ними.

— Это решать вождям, но так как они сражались за Яхк'шурт, они считаются Яхк'шурт и могут быть просто приговорены к смерти, — произнесла Люминия, ее голос был полон печали. Возможно дети увидели своих родителей в последний раз. Алексу это ни капельки не нравилось, но эта ситуация была не в его власти.

Валесса обратилась к собравшейся толпе людей и сосредоточила их внимание на ней и остальных вождях. Она начала с длинной речи, жестикулируя с намерением и целеустремленностью. Все внимание Ал'канинцев и Яхк'шурт было приковано к ней, пока она продолжала говорить на языке своего народа, побуждая их ловить каждое слово. Люминия перевела для группы.

— Моя мать обращается ко всем людям, говоря, как богиня-мать благословила нас помощью с небес. Как богини войны и великий вождь войны отвернулись от зла и вернули справедливость на наши земли. Хотя наши враги были могущественны, они не смогли выстоять против вас и вашего народа, истинных воинов света. Вы те, кого боится зло, от кого оно в страхе бежит.

— Те кто пытался поработить всех нас, будут судимы. Те, кто действительно захвачен тьмой, будут отправлены в Темные Земли, чтобы мучиться вечно. Суд будет приведен в исполнение теми из нас, кто все еще стоит рядом с нашей матерью-богиней в свете луны.

— Моя мать просит, чтобы ты стоял рядом с ней, когда будет вынесен приговор Яхк'шурт, — указала она на Алекса. — Ты военный вождь, и хотя ты не из народа, твое слово будет иметь здесь вес.

Алекса смутило, что такое предложение было выдвинуто, но он кивнул и прошел вперед, чтобы встать рядом с Валессой. Несколько других вождей неловко заерзали, недовольные этой внезапной сменой власти, но они отказались что-либо говорить по этому поводу. Некоторые из них посмотрели на его топор и содрогнулись, зная, что этого массивного оружия, пущенного в ход, было достаточно, чтобы напугать любого. Люми приказала остальным встать в почетный караул, а Валесса сделала движение рукой и произнесла простую фразу, которую Люми перевела.

— Выведите заключенных вперед.

Охранники подали знак оружием заключенным, чтобы те двинулись гуськом. Вскоре они выстроились у подножия холма в шеренги, похожие на строй, в четыре шеренги глубиной. Их

собралось меньше двухсот, они стояли и ждали, когда им вынесут приговор. Валесса снова заговорила, и Люминия сделала все возможное, чтобы не отставать от речи своей матери.

— Воины Яхк'шурт, вы сражались с нами в ночь, когда между нами должны были быть переговоры о мире. Вы стремились сломить нас, в то время как мы не были готовы ни к какому конфликту. Ваши действия были ничем иным, как бесчестьем, и поэтому вас обвиняют в убийстве, изнасиловании, пытках и целом ряде других преступлений, которых слишком много, чтобы перечислять. Единственным смягчающим обстоятельством этой ночи является то, что вы все доблестно сражались, когда эти звездные воины пришли нам на помощь, несмотря на то, они значительно вас превосходили.

— Во всех преступлениях, в которых вас обвиняют, как вы признаете себя виновным?

Один из воинов, человек довольно важный, судя по тому, как он был одет, громко заговорил, назвав вождя предательницей и сказав, что судить следует ее.

Он сказал, что всё, что они сделали, было правильно и что вождь был слишком мягок. Что ее народ заслуживает сильного воина, который возглавит их, а не мягкое женское сердце.

Прежде чем можно было произнести какой-либо упрек, он пронесся мимо охранников, застав их врасплох. Он пробежал мимо них, отобрав у одного из них оружие, прежде чем броситься к собравшимся вождям. Почетный караул поднял оружие и двинулся вперед, чтобы остановить его, но отступил, когда Алекс шагнул вперед. Затем он вложил свой боевой топор обратно в ножны за спиной, прежде чем встать в боевую стойку.

Воин Яхк'шурт не замедлился и подумал, что Алекс демонстрирует свою слабость, как и Валесса. Он маниакально размахивал своим оружием и ускорил шаг, намереваясь вонзить украденный нож мужчине в глаз. Он покажет своим воинам, каково это - быть Яхк'шурт. Расстояние быстро сократилось, когда он поднял свое оружие для удара, подпрыгивая в воздухе, чтобы дотянуться до него.

Алекс поднял левую руку, как бы защищаясь, и отвел назад правую, сжатую в кулак на поясе. Когда воин спустился, Алекс набросился на него, нанося удары со всей скоростью гадюки. Его правый кулак встретился с челюстью мужчины в мощном апперкоте, усиленном гидравликой его боевого костюма. Ужасный и тошнотворный трескучий звук раздался в непосредственной близости, когда челюсть воина превратилась в овсянку.

Его инерция остановилась, и быстро изменилась, когда мощный удар Алекса отправил щенка в полет по воздуху. Его тело отлетело обратно тем же путем, каким прилетело, и если удар Алекса его не убил, то жесткое приземление точно добило его. Его голова ударилась о ледяную землю, удар раздробил кости шеи и расколол череп. Остальная часть его тела свалилась в кучу, воин задергался в предсмертных судорогах.

Оставшиеся заключенные украдкой взглянули на своего павшего соотечественника, прежде чем снова уставиться на человека, который прикончил его. Алекс прямо стоял, с его перчатки капала пурпурная кровь, его лицо превратилось в мрачную маску. Никто из побежденных воинов не осмеливался смотреть на него слишком долго, так как боялся той же участи.

— Кто-нибудь еще? — тихо спросил Алекс. Люми быстро перевел его вопрос, который был встречен энергичным покачиванием их голов. Видя, что никто другой не был достаточно смелым, чтобы захотеть бросить ему вызов, он отступил к Валессе и жестом велел ей продолжать.

<http://tl.rulate.ru/book/3093/72480>